

ЛОГИКА ЯДЕРНОЙ ЭРЫ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

В Ленинград приезжали женщины из Соединенных Штатов, в Доме дружбы с народами зарубежных стран они сидели за чайным столом, печенья-варенья к которому готовят и приносят бывшие летчицы, партизанки, блокадницы. Чайный стол в ленинградском Доме дружбы превкусный (сам сидел за ним), разговоры, смех и слезы воспоминаний удивительно красивых женщин (многие уже бабушки) — все на редкость искренне, от души. И вот при расставании американки вытащили из своих сумок что-то белое, розовое, в цветочки, оказалось — наволочки. Обыкновенные, которые для подушек. И попросили: распишитесь фломастером, мы дома вышьем ваши имена, чтобы нам спокойнее было спать!

Другие, чтобы спать спокойнее, зарываются в землю, покупают стальные и бетонные «выживалки»...

В чем больше логики, что надежнее в ядерный век? Ничего надежного нет и быть не может, если ракеты взлетят, а бомбы начнут вращаться.

А потому те трогательные наволочки все-таки разумнее, какими бы наивными ни казались. В них хотя бы нет тщетной надежды спастись врозь.

Об этом думать, этим мучиться, себя не жалея, — кому, как не писателю, не литератору! Ну, хотя бы вместе с учеными, которые уже много сделали, чтобы донести до человечества правду о возможном исходе гонки вооружений, а сейчас со всеми противниками войны отстаивают разумно-конкретные предложения, выдвинутые Советским Союзом, другими социалистическими странами. А именно: объявить преступными любые доктрины «первого ядерного удара», полностью отказаться от применения силы и угрозы силой в отношениях между странами. И все делать и сделать, чтобы полностью устранить планетарную ядерно-раковую опухоль, рожденную Хиросимой.

Наша публицистика все чаще, все увереннее обращается к этим проблемам, и особенно важным кажется мне ее стремление удовлетворить насущную потребность в новом мышлении и новой логике, предписываемых ядерной эрой. Симптоматично появление статей, книг, где в самих названиях подчеркнуты, выделены формулировки: «Логика ядерной эры», «Новое мышление в ядерный век»...

Как-то стали мы вспоминать разные партизанские истории. Физик Николай Александрович Борисевич, президент АН БССР, припомнил, как ходили на «железку», как она, тогда молодой партизан-подрывник, яростно-испуганно тянул шнур на себя, а гитлеровец — на себя: под ногами у фашиста, упершегося в рельсу, — мина; он ее увидел, обваружил и перехватил шнур. Если партизан перетянет, она «ахнет», разнесет на куски, а человек, конечно же, тянул изо всех сил и выл в животном ужасе. А партизан понимал: не подорвет врага — тоже живому не уйти!

Так было вчера, на той, на минувшей войне: явл ты его, или он гебя! Сегодня же, если иметь в виду ядерную конфронтацию, мыслить приходится по-иному: не тяни, не перетягивай «шнур», потому что на конце его — ядерный заряд и он под ногами у обоих, у всех под ногами!

Как пишут сегодня публицисты-международники, на одна социальная система в ядерный век не может позволить себе игнорировать жизненно важные интересы другой стороны и рассматривать ее только как соперника. Ибо исторические соперники в борьбе идей, экономическом развитии являются одновременно партнерами в борьбе за жизнь. В этом единственно возможная формула выживания в наш век.

Новое мышление, новое видение... Все это, конечно же, не может не распространяться на литературу. За нее никто не выполнит ее работу, потому что художественная литература, искусство способны проникнуть туда, куда ничто другое не проникает, — в тайное тайных человеческого сознания. Пока впереди поэты: «Слово о мире» И. Шкляревского, «Мама и нейтронная бомба» Е. Евтушенко, стихи А. Вознесенского, Е. Исаева, П. Панченко, А. Русецкого, И. Драча, О. Сулейменова и других... Но не обойтись и без усилителей прозаиков, кинематографистов, драматургов.

Советские и прогрессивные западные писатели-фантасты внесли немалый вклад в развитие этой важнейшей сейчас темы. Совсем недавно, например, я прочитал роман «Ка-

тастрофа» белорусского автора Э Скобелева, роман-антиутопию о том, как ядерный взрыв смел жизнь с острова, лишь несколько человек укрылись в «супербезище». «Теперь-то мы были бы счастливы начать со вчерашней отметки, решиться на борьбу за спасение человечества, но — часы уже пробили двенадцать, ничего не изменишь, — кричит себе и опустевшему острову» писатель Фромм — один из героев романа, — горы оружия, в которые мы вкладывали свои надежды, никого не спасли...»

Писать о таком будущем — задача не только сложная, но и чрезвычайно ответственная. Ибо то будущее, которое существует в человеческом сознании, представлении (а значит, и в литературе) способно воздействовать и на саму реальность. (Впрочем, так же, как и прошлое, история). Философы уверенно утверждают, что потенциальное будущее начинает все более осязательно влиять на современность. Так как же с ним, с этим прогнозируемым, ожидаемым будущим обходиться писателям? Чтобы и не «отвертываться» от него (употребляя слово Ф. Достоевского), но и не брести заворочено, обреченно навстречу беде, подобно герою Эсхила? Как избежать спекуляции на теме, но и спекулянтам от литературы тему не уступить? Ответ — в нас самих. Если главное для мира, для человечества стало главным для тебя лично, и нет у тебя другой цели, как только всего себя отдать, чтобы жила Земля, чтобы жил Человек, — найдешь и верный тон, и точную меру, и нужные слова.

Немало схожих проблем встает, когда мы обращаем взгляд и в прошлое. Например, надо ли писать столь подробно о хатынских жестокостях, а если это уже сделано в литературе, то как с этим обжигающим «материалом» обходиться, скажем, в кино?

Нам, соавторам «Блокадной книги» и «Я из огненной деревни», вопросы задавали, да и мы сами себя спрашивали вот о чем: «закрепляя» жесткую правду о таких вещах в сознании новых поколений, чего мы достигаем? А вдруг обратного желаемому? Вдруг приучаем смотреть как на нечто обычное на то, что не должно и «в сознании вмещаться»?..

Ответы на многое — в читательских письмах.

«...Прерывался лишь дважды: поужинать (часов в шесть) и — на час с лишним — чтобы посмотреть программу «Время». Вскоре все улеглось спать. Мое потрясение между тем нарастало. Я подумал тогда (и наутро сказал жене): «Я прочел эту книгу и оказался за чертой, которая теперь отдалила меня от тебя. Только когда и ты прочтешь, мы снова соединимся, станем вместе». В. Дмитриев из Москвы.

А это — из письма москвички Любы (фамилию не указала):

«Я не могла носить в себе все Это одна. Мне было очень тяжело. И я попросила мужа прочесть, чтобы мне было с кем поделиться и разделить Это, чтобы мне стало легче... Он тоже прочел, тоже стал смотреть кое на что другими глазами. Я думаю, что он тоже стал другим».

Ну, а сами блокадники или горевшие в хатынях, пережившие, перенесшие немислимое в столько лет несшие в себе свое особое знание жизни и человека, не разделенное ни с кем, — как их оно должно было мучить! Да разве имеет кто-либо право сказать: не хочу вашего знания, оно слишком жестоко! Говорим: разделить чужое горе. Но есть и чужое знание, которое не принять — бесчеловечно. Не говоря уже, что это неразумно с точки зрения интересов и новых поколений, и просто рода человеческого.

К известной истине — забывающий прошлое рискует встретиться с ним завтра — хочется такую мысль добавить: зло есть зло, но знание о зле есть добро. Зная, легче и бороться, и побеждать. Чем больше зло, тем больше надо разузнать о нем, по возможности — все.

В одном из разговоров, споров наших на эту тему возникли и такие мысли: ну что еще нужно, какое еще «новое мышление»? Спорящий показал на полки, где стояли тома классиков литературы. Мол, просто надо продолжать, что мы и стараемся, обычную работу по гуманизации жизни человека. Вот «Белый Бим Черное ухо»... Разве мало значит и в ядерный век произведение, столь пронзительно утверждающее, закрепляющее в людях, в мире добро, человечность?..

Верно, немало! Ради такой

вещи и те классические тома на полке охотно потеснятся. Но если прикинуть: сойди они с полки, те тома, а их создатели — в мир, в котором жить и действовать досталось нам, ну разве можно их вообразить только теми, только прежними? Боль, гнев за повешенных, крестьян-бунтарей и — на всю Россию — «Не могу молчать!» Мысль о милитаристском зуде, одинаково одолевшем всех этих кайзеров, президентов, царей, и — на весь мир — «Одумайтесь!» Одна-единственная слезинка ребенка, и какой самосжигающий, на всю глубину прошлых и будущих веков крик совести: такой ценой счастья принять не жалею!..

Ну, а если не о счастье или несчастье отдельных людей и даже социальных групп, классов речь шла бы, а о самом существовании всех нынешних и всех будущих людей, какими бы предстали, как заговорили бы эти писатели и их произведения? Просто делали бы литературу? Да нет же, они и тогда не литературу, а жизнь делали, потому и великая литература получалась. Если уж делать литературу в мире, где против жизни нацелено столько мегасмертей, где жизни угрожают сверхоружие, сверхуйство, тогда делать надо — сверхлитературу. То есть что-то соответствующее всей мировой ситуации! Гадаем, спорим, думаем, какой станет литература будущего. Такой и станет — в смысле идейно-нравственного потенциала, — какова будет степень ее участия в спасении этого будущего.

Что сильнее и глубже всего способно повлиять на весь характер мировой культуры, на сам тип литературы, так это как раз новые реальности и процессы в человеческом сознании, определяемые всей совокупностью событий XX века. Человек — единственное на Земле существо, сознающее свою смертность, конечность. Исчезни вдруг это знание, и как резко изменился бы и он сам, весь — в повадках, поведении, в культуре, литературе, искусстве, в степени и характере нравственности. А сегодня человек обнаружил, что и весь род его сделался смертным. Вчера еще будущее его уходило в даль грядущих тысячелетий, и вдруг — реальная вероятность исчезновения.

И что же переменялось? В поведении, в типе искусства, литературы? Кое-что переменялось, но пока не слишком резко, явно... О чем это говорит? О том лишь, что еще не произошло сегодня то, чему обязательно случится завтра!

Ученых-обществоведов и философов все больше интересует проблема «переоценки понятийного аппарата». Всякий раз переход к новому образу мышления растягивался на десятилетия, а то и на века, сопровождался ожесточенной борьбой. Истина, по выражению Гегеля, рождается как ересь, а умирает как предрассудок. У человечества нет больше такой возможности — растягивать на десятилетия и века выработку и практическую реализацию нового мышления в политике, в искусстве, в человеческих взаимоотношениях. Время больше не течет, как в прежние тысячелетия, таким бесшумным, мягким песочком, оно, живое время, как кровь из разорванной артерии: вот-вот из живого может превратиться в мертвое. И литература обязана быть готовой к тому, чего прежде не бывало ни в ней, ни с нею. Она самим временем позвана к подвигу — по спасению жизни.

Но что может, на что способна литература в столь грозном мире, на многое ли?

Не спрашивай, если ты писатель, что литература может, а спрашивай, что ты — ты! — должен! Ведь литература — не что иное, как результат нашей самоотдачи. А она, самоотдача, сегодня не будет достоянием, если в нас самих не взорвется та проклятая бомба, зареет в душе, в мозгу нашем — во имя того, чтобы реально никогда не вспучивался град планетой отвратительный вид. Всю угрозу, всю опасность впусти в себя, не бойся додумать самую жестокую мысль до конца, и тогда не будешь спрашивать, что литература может и может ли. В век ядерный не обязательно ли мера личного писательского соучастия во всем и ответственности за все, что в мире и с людьми происходит?..

И в обстановке современного, опасно обострившегося противостояния социальных систем литература, искусство, как ничто другое, могут, способны возродить мосты, ведущие от народа к народу, от сердца к сердцу — в будущее без войн, без вражды. Мы помним поразительный эф-

фект «телемоста» «Москва — космос — Калифорния», когда люди различных социальных систем радостно глядели в глаза друг другу — поверх наледи, поверх торосов «холодной войны» — и на какой-то миг ожило, из прошлого вернулось время, когда народы по обе стороны океана чувствовали, ощущали союзническое плечо друг друга в борьбе с фашизмом.

Как важно, как нужно видеть живые глаза близких и далеких соседей по планете, как во времена той прямой телепередачи, не поддаваться, всячески сопротивляться злой, неразумной воле тех политических «ястребов», кому хотелось бы подменить лицо народа-соседа маской «врага», «нелюдей». О, они ведают, что творят! А как иначе можно заставить «свой» народ мириться с планируемым риском «ограниченных», «затяжных», «звездных» и прочих, одинаково самоубийственных войн? Способ тут испытанный: внедрять в сознание сограждан «образ врага», который ужаснее ядерного побоища.

В мире, и в частности в США, немало людей, которые активно, осознанно противодействуют зловещей работе ядерных расистов. К нам в Минск приезжала журналистка Марфа Стюарт, и мы имели возможность познакомиться с одной из форм деятельности американцев, восстанавливающих мосты, которые другие американцы, прежде всего обремененные властью, рушат, подрывают. Оказывается, честным людям приходится начинать с элементарного, например, печатая в иллюстрированном журнале фотографии американцев вперемежку с лицами наших соотечественников, чтобы жители Нового света собственными глазами мог убедиться, что и у нас тут обыкновенные люди живут, а вовсе не нечто пугающе неопределенное. Куда же, в какую темень оттеснено сознание тех, кого приходится подобным способом убеждать в элементарнейших вещах? Но ведь и силы, манипулирующие на Западе массовым сознанием, действительно мощные. Вот что написал в редакцию журнала «Век XX и мир» один из его американских читателей:

«В США нам сейчас внушают, что «сокращение» означает «наращивание» (поскольку «чтобы разоружиться, нам надо вначале вооружиться»). Нам внушают, что «мир» означает «войну» (поскольку «мир» — это не что иное, как «умиротворение»). А еще нас учат, что «война» — это и есть «мир» (поскольку только «наступательное сдерживание» и «обезоруживающий удар» способны принести мир). Нас учат, что в «невежестве сила» (поскольку «чем меньше мы о них знаем — тем лучше», ведь «знание может ослабить нашу решимость»)...»

Не пора ли этим апологетам политического обскурантизма усвоить и такую вот истину ядерной эры: лучше быть разными в жизни, чем одинаковыми в смерти?..

Кому, как не нашей литературе, изначально гуманистической по своей природе, стать планетарным голосом в защиту права на жизнь всех нынешних и всех будущих поколений, самого рода человеческого? Во всей его многоликости и неоднородности.

Человечество в опасности! Глаза схватывают слова, и тотчас, как это: «Родина в опасности!» Да, в нас живет, действует та же готовность всем пожертвовать «ради жизни на земле». Эти, такие современные строки родились ведь в те годы...

Чтобы советская литература оставалась тем, чем она была всегда — чувствительным и выразителем самых передовых идей и устремлений человечества, писателю надо стремиться всегда быть на уровне своего века и своего, хочется сказать, тысячелетия. Да, мы — поколения, живущие во втором тысячелетии, теперь в ответе за все последующие.

...Шла киносъемка. Артист, играющий эсэсовца, высоко поднял дочку, чтобы на глазах у матери и братика разбить, бросить ребенка, убить, а она, четырехлетняя Наташа из белорусской деревни Батоша, звонко-радостно крикнула братику, который где-то там, внизу: «Андрей! Это я!» Сорвала режиссеру «дубль», по как же радостно рассмеялась вся киногруппа в ответ на отчаянное неверие ребенка в жестокость, в зверство, в войну.

Как оправдать, чем окупить неиссякаемое доверие самой жизни к нам, людям, ее детскую веру в нашу доброту и мудрость?

Какими делами, какой политикой, какими книгами?!

Алесь АДАМОВИЧ.

г. Минск.